

Ella ZADOROŹNIUK

Rosyjska Akademia Nauk, Moskwa

Диссидентское движение в Чехословакии: Ключевая идея и формы реализации

В 2007 году в Чешской Республике отмечалось 30-летие возникновения и начала деятельности Хартии 77. 11 сентября 2007 г. в одном из известных зданий в самом центре Праги (галерея «Манес») прошла презентация трехтомника документов (общим объемом более 2000 страниц) о деятельности Хартии в период с 1977 по 1989 гг.¹ На встречу в «Манес» пришли ученые, политики, артисты и зарубежные гости. В зале царила праздничная атмосфера – встретились люди, знакомые друг другу и всему миру (например, экс-президент Гавел), этому способствовало и открытие встречи песней известного барда – участника оппозиционного движения. Но разговор в этой атмосфере с первых же минут презентации шел серьезный.

Это и неудивительно: уникальный сборник документов, сопутствующие им научные исследования и добротные комментарии представляют в целом в чем-то нормативный труд в плане изучения протестных движений во всех странах региона. На данной основе можно реконструировать указанный поворотный пункт в истории оппозиционного движения: появление его принципиально новой формы – диссидентства, репрезентовавшегося Хартией 77.

О чем на встрече говорил, например, В. Гавел? Он отмечал не только моральную смелость хартистов, бросивших вызов «режиму нормализации», но и подчеркнул, что этот вызов приобрел мало известные в политической практике контуры, в первую очередь требование к властям соблюдать ими же провозглашенные законы. По видимости предполагалось всего лишь оказание помощи существовавшему строю в вопросах соблюдения прав человека, по сути же велась интенсивная работа, направленная на его разрушение. Факти-

¹ *Charta 77: Dokumenty 1977–1989*, eds. B. Císařovská, V. Prečan, Praha 2007, d. 1–3.

чески тогда складывались те структуры, которые вскоре получили название «параллельный полис» или «параллельное общество». Более того, эти структуры явились принципиально новыми в русле антирежимного движения в Чехословакии после 1968 года, да и в Центральной Европе в целом. Именно поэтому возникновение этой принципиально новой формы антинормализационного движения вызвало широкий резонанс и во всем мире.

Хартия выступила своего рода прообразом и одновременно инициатором ключевых структур «параллельного общества». Именно ее деятельность привела к тому, что мысли о данных структурах получили достаточно четкое оформление. Учреждение Хартии 77 фактически положило начало новому этапу антирежимного движения (1977–1984 гг.), лидирующие позиции в котором занимали именно диссиденты. В ее создании важную роль сыграли как внешние факторы (Хельсинкский процесс, Заключительный акт СБСЕ), так и внутренние силы, хотя и загнанные в глубокое подполье (а ряд их лидеров – в тюрьмы). С 1977 года имена диссидентов не сходили со страниц западной прессы, а сами они подвергались выглядевшим немотивированными преследованиям – вплоть до тюремного заключения. В целом Хартии 77, подвергавшейся систематическим репрессиям, все же не удалось стать массовым движением. Однако новые формы антирежимного движения с самого начала их появления свидетельствовали: «нормализация» превращается скорее в благое пожелание, чем в быстро достижимую цель.

На наш взгляд, идеи Хартии 77 выступили, подобно идеям «социализма с человеческим лицом» Пражской весны, своеобразным зонтиком для самых разнонаправленных сил. Фактически составные компоненты антинормализационного движения были очень разными и, к примеру, движение словацких католиков трудно сопоставлять с движением чешских поклонников рок-музыки. Все же главное здесь другое – диверсификация не только идейных установок, но и тактическо-организационных шагов противников правящего режима, приверженность хартистов концепции «неполитической политики» вызвали усиливавшееся давление властей на тех граждан, которые продекларировали всего лишь необходимость соблюдения существующих законов.

Идеология и практика «параллельного общества» нашла наиболее полное выражение в деятельности структур Хартии 77, которые – по формальным основаниям – на первых этапах своего укоренения

не ориентировались на подрыв «режима нормализации». Ее декларируемая задача – выполнение уже существовавшего набора правовых норм, обеспечивавших свободное волеизъявление людей, свободу слова, мысли и т.п. Протестная активность Хартия казалась безадресной, но одновременно являлась и предельно адресной – отсюда и приемлемость термина «параллельное общество». На эту двойственность и указывает вторая составная часть термина – «общество», под которым подразумевались зародыши социальных структур в русле «неполитической политики», а точнее – нового типа политики, что было новым словом в оппозиционном движении в целом.

Реализуя идеи «параллельного общества», Хартия 77 исходила из установки плюрализма, допуская множество интерпретаций не только сути своей деятельности, но и менявшегося набора своих задач и способов их решения. Ее программные цели мобилизовывали не только хартистов, но и представителей многих других антинормализационных течений. В частности, приверженцы такой установки обнаружили в среде студенчества, которое с большим вниманием следило за тенденциями молодежных и студенческих движений на Западе. Эти движения побуждали ко многим социальным инициативам и выявляли новые формы социального контроля над властью. Другое дело, что в течение 1970-х годов многие представители этого движения начали интегрироваться во властные структуры – но в Чехословакии ориентировались на его первоначальные призывы.

Первая встреча будущих хартистов состоялась 11 декабря 1976 г.² По свидетельству В. Гавела, бывшие коммунистические функционеры, собиравшиеся вокруг З. Млынаржа и ранее, не исключали возможности основать некий «комитет» по соблюдению прав человека или Хельсинкский комитет (председателем которого мог бы, по их предположению, стать И. Гаек) по образцу тех, которые возникли в СССР³. Однако этот вариант не подошел, и они остановились на «гражданской инициативе» – то есть организационно более размытой структуре. Название «Хартия» предложил П. Когуут, а идею о трех лидерах (а не одном спикере или глашатае) внес П. Ул.

² См.: *ibidem*, d. 3; Přílohy, s. 1.

³ *Charta 77 očima současníků po dvaceti letech*, eds. B. Císařovská, M. Drápala, V. Prečan, J. Vančura, Praha–Brno 1997, s. 18.

Между Рождеством (конец декабря 1976 г.) и Новым годом было подготовлено Воззвание Хартии 77⁴ которое подписал 241 чел.⁵ (из словakov первыми свои подписи под Хартией поставили Д. Татарка, М. Кусы и Я. Млынарж). Основным автором текста был Гавел; части о роли Хартии 77 как неформальной гражданской инициативы без прочной и определенной организационной структуры сформулировал бывший коммунист-реформатор З. Млынарж; П. Когоут дал интерпретацию инициативы как широкого движения, к которому постоянно могут присоединяться новые члены и которое нельзя понимать всего лишь как комитет по правам человека.

Во введении к Возванию его авторы ссылались на Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, которые в Чехословакии вступили в действие в 1976 году. Важнее другое: и внешнее давление, и внутренние расхождения в их трактовке – как это ни парадоксально – не столько ослабляли Хартию 77, сколько укрепляли ее. В функционирование данной структуры был заложен механизм ее расширенного воспроизводства, что представляло собой некую неожиданность не только для ее противников, но и приверженцев.

Хартия постоянно подчеркивала: она не стремится к политическим или общественным реформам, но добивается конструктивного диалога с политической и государственной властью. Ее цель – указывать на конкретные нарушения гражданских прав, предлагать различные проекты, нацеленные на их углубление, и действовать в качестве посредника в возможных конфликтных ситуациях. Тем самым, Хартия должна была стать своего рода «группой мониторинга», которая контролировала бы действия властей в сфере прав человека и протестовала против их нарушения⁶.

⁴ Текст Возвания в переводе на русский язык впервые публикуется в монографии: Э. Г. Задорожнюк, *От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории чехословацкого оппозиционного движения. Август 1968–ноябрь 1989 г. В печати.* Три рабочие версии этого документа опубликованы в: *Charta 77: Dokumenty 1977–1989...*, d. 3, s. 4–15.

⁵ См.: *Charta 77: Dokumenty 1977–1989...*, d. 3, s. 19–24; в более ранних публикациях фигурирует цифра 242 чел. См.: *Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci. Dokumentace*, ed. V. Prečan, s. 13, Ed. pozn.

⁶ *Charta 77. 1977–1989...*, s. 185.

В своем первом программной документе она репрезентowała себя в качестве «помощника», а не «противника» власти – даже если та ей не верила и отвечала репрессиями. Но не выглядели ли конкретные программные требования Хартии 77 собственно политическими? Называя себя в учредительном Воззвании «свободным неформальным и открытым сообществом людей разных убеждений, разных вероисповеданий и разных профессий, которых объединяет воля индивидуально и вместе добиваться уважения прав гражданина и человека в нашей стране и в мире» – лидеры Хартии 77 не могли не догадываться, что политических целей и способов их достижения им не избежать.

Если это и не считали политикой сами заявители, то те, кому было направлено Воззвание в ее наличии не сомневались. Стороннего же наблюдателя интересовала необычность такой политики – и он в какой-то мере признавал, что это непривычная политика, может быть и «неполитической», как, собственно, о том говорили идеологи Хартии.

Программы Хартии 77 и способы их реализации подтверждают: родилось движение этического протеста, которое принципиально отличалось от оппозиции 1969–1972 гг., имевшей ярко выраженный политический характер, поскольку ее цель – крушение «режима нормализации». Хартия же отказываясь от политики как инструмента общественных преобразований и технологии власти, опиралась на политику противостояния нарушениям прав человека в рамках данного режима. Поэтому и общественное явление, которое с нею появилось, начало называться собственно диссидентством⁷.

Службы госбезопасности узнали об акции уже в первый день, когда ее инициаторы начинали собирать подписи, но у них не было текста Воззвания. Аксию диссидентов они недооценили и вмешались лишь 6 января, когда В. Гавел вез документ для передачи государственным органам, задержав его. В целом Воззвание Хартии вызвало значительное беспокойство в партийном и государственном руководстве. «Режим нормализации» поначалу интерпретировал его как собственно подрывную акцию, несмотря на то, что хартисты позиционировали себя как неполитическое движение в принципе.

⁷ M. Otáhal, *Opozice, moc, společnost 1969–1989. Příspěvek k dějinám «normalizace»*, Praha 1994, s. 40.

Поэтому власти по инерции инстинктивно приняли решение использовать все средства, чтобы подавить в зародыше это свободное волеизъявление почти 250 граждан.

В первую очередь «режим нормализации» пытался изолировать эту небольшую группу от остального населения, вызвать у людей опасения и настроить их против подписантов, а саму Хартию разложить изнутри. Подобного рода тактика уже была проверена на примерах ряда нелегальных политических движений в предшествующие годы. Однако данная тактика оказалась не столь успешной.

Кампания, которая должна была ориентировать общество на отвержение Хартии, началась со статьи «Самозванцы и банкроты» в газете «*Rudé právo*» от 12 января 1978 г. Хартию в ней называли «делом международной реакции, которая пытается создать видимость некоего широкого международного фронта». Отмечалось, что она якобы возникла по заказу «антикоммунистических и сионистских центров». Воззвание характеризовалось газетой как «антигосударственный, антисоциалистический, антинародный и демагогический пасквиль, который грубо и лживо клеветает на Чехословацкую Социалистическую республику и революционные достижения народа. Его авторы обвиняют наше общество, что в нем жизнь не устроена по их буржуазным и элитаристским представлениям»⁸.

Истерическая кампания не помешала другим гражданам присоединиться к Хартии – за два месяца 1977 г. число подписавших документ выросло почти на 400 чел. Она, напротив, способствовала расширению информации о ее существовании, хотя о ее целях среди широких слоев населения мало что было известно. Важную роль в ее поддержке сыграли зарубежные радиостанции, в первую очередь «Голос Америки» и «Свободная Европа», хотя их глушили.

Вскоре кампания правящего режима против Хартии приняла новые очертания: утверждалось, что само государство заботится о реальных правах граждан, которые для хартистов якобы безразличны, поэтому на них не стоит обращать внимания. Хартисты поставили задачу постоянно опровергать эти домыслы. Кроме этого власти перешли к политике замалчивания.

Следует отметить, что практически сразу же после издания учредительного документа – Воззвания – в Хартии начались внутренние

⁸ *Charta 77. 1977–1989...*, s. 23–31.

дискуссии и споры о понимании задач ее деятельности, полемика относительно ее стратегии и тактики. С одной стороны, на хартистов оказывали давление органы власти, с другой – наблюдалось расхождение идейно-политических ориентаций активистов, проявлялись и различия поколений, групповых и индивидуальных позиций, опыта и ценностных оценок. Споры между их носителями продлились до начала 1980-х и порой выливались в попытки навязать Хартии некий особый политический статус, а точнее дать ему более точное определение, поскольку наличествовавшее – «неполитическая политика» – носило неопределенной характер в плане обоснования конкретных акций.

Подводя своего рода черту под развернувшейся полемикой, В. Пречан в марте 1981 г. отмечал: «То это была идея политического движения, которое посредством давления снизу могло бы привести властные структуры к переменам; то концепция альтернативного антипотребительского закрытого сообщества; порой это была тактика действий, основанная на убеждении что смысл имеет только такая активность, которая ведет с властью переписку и избегает конфронтации с ней»⁹. Единодушным, однако, оставалось отношение к проблеме прав человека.

Если вернуться к самому началу деятельности хартистов, когда на них оказывалось мощное давление, важным стало усиление их духовного единства. Задачу интерпретации смысла и целей Хартии в этом аспекте взял на себя философ Я. Паточка. В статье «Об обязанности бороться против несправия»¹⁰ он писал о моральной подоплеке правозащитной деятельности, не оставляя широкого пространства для маневра своим идеологическим противникам. Свою последнюю статью «Что мы можем ждать от Хартии» он написал в той же тональности¹¹. «Хартия, – подчеркивал Паточка, – не планировала и никогда не собиралась действовать иначе кроме как педагогически». Ставя акцент на воспитательной миссии Хартии, он ориентировался на ее независимость от государства даже в условиях «режима нормализации», при этом ключевым являлось воспитание на примерах гражданской инициативности ее приверженцев.

⁹ Ibidem, s. 114.

¹⁰ *Charta 77. 1977–1989...*, s. 40.

¹¹ Ibidem, s. 42.

Говоря о деятельности Хартии, Паточка отмечал вхождение в жизнь «новой идейной ориентации», которая никоим образом «не противостоит ориентации социалистической, обладавшей до настоящего времени исключительной монополией; это ориентация на основные права человека, на нравственный элемент в политической и частной жизни: Хартия не перестает напоминать, что наша жизнь является обеспечением тех прав, которые законно принадлежат гражданам, непрестанно это напоминать нашей и зарубежной общественности, каким бы высоким не являлся риск этой деятельности»¹². Подобная интерпретация Паточкой целей Хартии ориентировала ее на практическую деятельность в сфере политики и тогда, когда органы власти от публичных кампаний постепенно перешли к тактике замалчивания. При этом для зарубежных наблюдателей акцент на этических ценностях указанной деятельности оказался чем-то относительно новым.

Профессор Паточка, ученик Гуссерля и Хайдеггера, последователь этических взглядов Коменского и Масарика проявлял и общественную активность. Так, он выступил в качестве защитника чехословацкой рок-группы «Пластиковый народ Вселенной» («The Plastic People of the Universe»). Вряд ли его вдохновляло музыкальное творчество этой, как признают сейчас, заурядной группы, но право на самовыражение и противостояние всеподавляющему духу времени детерминировало его позицию. В трудах Паточки в это время зазвучали идеи о необходимости преодолеть бесправие и создать общество с предпосылками для морального роста людей.

Идеи Паточки влияли и влияют на чехословацкую и чешскую мысль конца XX – начала XXI века. Они стали одной из опор интеллектуального противостояния «режиму нормализации». После его смерти в самиздате были изданы 27 сборников его трудов, переизданных в 1990 г.

Реакция правящего режима на появление «новой идейной ориентации», хотя и позиционировавшей себя как не противостоявшей «ориентации социалистической», не заставила себя долго ждать и отличалась предельной жесткостью. Первая атака нацеливалась против спикеров Хартии: Гавела арестовали, Паточка подвергся допросам, а 13 марта 1977 г. скончался. Его похороны вылились

¹² Ibidem.

в молчаливую демонстрацию против «режима нормализации». И. Гаек остался в одиночестве, его преследовали, но он не сдался и в самые трудные времена оставался деятельным представителем Хартии. Планы подавить движение в зародыше потерпели крах. Хотя первых из подписавших Хартию допрашивали, у многих провели дома обыск, силам госбезопасности не удалось сломить волю и рядовых ее членов – подписей никто не отозвал, за исключением одного случая.

Определенным отражением продолжавшихся после ухода из жизни Паточки ведущихся внутри Хартии споров явилась написанная в мае 1978 г. статья философа католической ориентации В. Бенды «Параллельный полис». Автор подвел своего рода итог первого года деятельности Хартии. При этом он обобщил опыт чешского культурного андеграунда, других движений и инициатив, не оставив без внимания и опыт Польши, где как раз в это время широкое развитие стали получать независимые от государства (т.е. «параллельные») структуры.

Бенда констатировал наличие в чехословацком протестном движении двух трансформационных концепций – радикальной и реформистской, но ни одну из них не считал перспективным ответом на стоявшие перед обществом злободневные вопросы. Он предложил «третий путь для исправления отношений в обществе», отметив: «Большинство структур, – так или иначе связанных с жизнью общества (т.е. политической жизнью) функционирует либо совершенно неэффективно, либо же они просто вредны. Предлагаю поэтому объединить усилия для постепенного создания параллельных структур, способных хотя бы в определенной степени замещать недостающие функции там, где необходимо использовать уже существующие структуры и гуманизировать эти функции»¹³.

«Хартия 77, несомненно, является политически наивным началом, как и любая попытка основывать политику на нравственных началах», – констатировал он. Надо заметить, что скепсис присутствовал в оценках его собственной концепции и в дальнейшем, но выпущенное им в мир идеологии понятие зажило собственной жизнью. Более того, Бенда признавал необходимость подготовки почвы для возникновения «параллельных» политических (в узком

¹³ Ibidem, s. 44.

смысле слова) структур и их развития. «Этот пункт, – по его словам, – включает широкую шкалу от воспитания гражданского сознания и ответственности через формирование условий для политической дискуссии и теоретических взглядов вплоть до поддержки конкретных политических течений и группировок». Он предложил конкретный план по реализации идеи «параллельного полиса» в сфере юриспруденции и в сфере культуры, параллельной информационной системы (самиздата), параллельной экономики и даже параллельной внешней политики.

К полемике относительно идентификации Хартии подключился и П. Ул, в прошлом (1969–1972 гг.) – лидер чехословацкого подпольного Движения революционной молодежи (ДРМ) и представитель «радикального» направления в антинормализационном движении. В феврале 1979 г. Ул дал радикальное толкование идеи Бенды, заменив термин «параллельное общество» терминами «альтернативные структуры» или «альтернативный полис», идентифицировав их как «революционный авангард»¹⁴, пытаясь подверстать тем самым отстаивавшийся Бендой «третий путь» к «радикальному» направлению. Правда, Ула не устраивало и словосочетание «гражданские инициативы», взамен которого им предлагалось «альтернативное сообщество»¹⁵. «В условиях бюрократической диктатуры, – утверждал он, – я вижу революционный авангард общества в независимых от государства альтернативных сообществах, в их соединении и объединении как в национальном, так и международном масштабах, в улучшении их качества и расширении, в их стремительном размахе и включении всего общества в начало революционного процесса»¹⁶. Ярый сторонник радикального революционного пути преобразования общества Ул всячески пытался политизировать ячейки чехословацкого протестного движения, подвергая жесткой критике «реформистов»¹⁷ и внося принципиальные корректировки в «третий путь» Бенды.

¹⁴ *Charta 77. 1977–1989...*, s. 81.

¹⁵ *Ibidem*, s. 82, 87.

¹⁶ *Ibidem*, s. 88.

¹⁷ «В Хартии, – писал Бенда, – и чехословацкой оппозиции все еще существует мощное идейное течение, базирующееся на реформистских представлениях». Именно этой реформистской среде, по его словам, свойственен дух конспирации, сектантства и «моральной» исключительности. По его словам, конспиративные методы, которые в чехословацких условиях являются зачастую функциональными и единственно возможными, значительно тормозят развитие

По его убеждению, сообщества, которые возникают в ходе борьбы за независимые (критические) акции или же за независимые формы жизнедеятельности – Хартия 77, чешский культурный андеграунд, возникший в 1978 г. по инициативе хартистов Комитет по защите несправедливо преследуемых (КЗНП), рабочие группы Хартии, а также иные полуофициальные и неофициальные объединения друзей – «формируют в общих чертах внутренние отношения – на уровне клуба, движения или организации – которые во многом составляют реальную альтернативу тем формам общественной жизни, которые скованы деформированы бюрократической властью» Тем самым, по его мнению, следовало бы называть «параллельные структуры» Бенды скорее «альтернативными структурами и альтернативным полисом».

По его мнению, больше походили на «параллельные организации» сообщества западного типа, выступавшие в защиту альтернатив философии потребительского общества, поскольку они «существуют параллельно политической и экономической власти, никоим образом ее не затрагивая». Тем самым Ул счел некорректной и неадекватной модель «параллельного полиса» применительно к «бюрократической диктатуре сталинского типа», где «любая независимая акция – индивидуальная, а уж тем более коллективная – любая инициатива или даже движение являет собой источник конфликта с бюрократической властью; она является источником этого конфликта уже самим фактом своего существования, независимо от того, нацелена она против режима или каких-то из его черт или проявлений, либо же стремится существовать «an sich» (т.е. сама по себе), отстраненно и бесконфликтно. Непрерывающиеся усилия в независимой (критической) деятельности или независимых формах жизнедеятельности – это проявление непрерывающегося конфликта с государственной властью...»¹⁸.

Главный смысл Хартии Ул видел в том, что своей деятельностью она «приближает то радикальное изменение отношений (политическую революцию), которая откроет путь к постепенному введению всех естественных прав человека (это я считаю собственно смыслом этой революции). Ее значение состоит и в том, что существование

альтернативных усилий – параллельного полиса. Необходимым условием дальнейшего развития «альтернативного общества» он называл развитие самоорганизации. См.: *Charta 77. 1977–1989...*, s. 84.

¹⁸ Ibidem, s. 82.

Хартии чем дальше тем больше становится альтернативным сообществом, предвосхищающим будущее». При этом и Хартию 77, и чешский андеграунд он называет «школой независимой жизни»¹⁹ – в чем можно обнаружить явную перекличку с идеями Паточки, считавшего миссию Хартии в первую очередь педагогической.

Тем самым в концептуально-теоретические искания Хартии 77 начали привноситься идеологемы самого разного рода, в числе которых радикально-революционные занимали далеко не последнее место. И все же нужны были и другие ответы, поскольку проблема «что дальше?» отличалась не только теоретическим измерением. На его практическую значимость обратили внимание другие хартисты, которые решительно вмешивались в решение конкретных проблем, конфликтуя с властью и мобилизуя приверженцев различной идейно-политической направленности²⁰.

Возвращаясь к постулатам первого Воззвания Хартии, словак М. Кусы в марте 1979 г. в противовес Улу утверждал: «Мы не требуем смены власти, не предлагаем выдвигать альтернативную политическую программу, мы не являемся и не хотим быть политической оппозицией. Мы выдвигаем лишь то самое минимальное требование, которое можно легально предложить в рамках умеренного прогресса в рамках закона – соблюдение данного закона»²¹. Если поместить эти требования и установку на конструктивный диалог в контекст тогдашней жизни в условиях «нормализации», то они не могли не квалифицироваться властью именно как политические.

В апреле 1979 г. полемическая эстафета перешла к другому хартисту – словаку М. Шимечке. Он писал, что в Восточной Европе выросло «масштабное идейное движение (все еще не отваживавшееся называть себя диссидентством), которое сегодня является неотъемлемой частью европейской культуры. Это движение, естественно не упразднило сообщество страха, оно лишь выделилось из него. Люди, которые избрали гражданское мужество и жизнь в правде, одержали победу скорее над самими собой, чем над сообществом страха»²².

¹⁹ Ibidem, s. 85.

²⁰ Ibidem, s. 5.

²¹ Ibidem, s. 61.

²² Ibidem, s. 106.

«За последние шесть-семь лет, – утверждал Шимечка, – благодаря ряду инициатив, фактически сформировалась параллельная культура, независимая от официальной идеологии, возникла примечательная идейная атмосфера, плюралистическая по своей сути, но несомненно ориентированная на гуманную, демократическую и социалистическую альтернативу национального существования»²³. Скорее всего, «социалистическая альтернатива национального существования» прозвучала у него по сугубо тактическим соображениям. Все же в размышлениях Шимечки для нас важнее другое – факт не столько признания рецепции концепта «параллельного полиса», сколько констатация его частичной реализации в Чехословакии.

Важно, что и Кусы, и Шимечка признавали магистральной в условиях «режима нормализации» концепцию «неполитической политики», которая наиболее фундаментально выражена В. Гавелом в известном эссе «Власть безвластных»²⁴, в котором тоже можно отыскать контуры «параллельного полиса».

Эссе написано в 1978 г. – практически одновременно со статьей Бенды – когда сила идей Хартии 77 определились в достаточной мере. Поэтому и начальные его слова: «По Восточной Европе бродит призрак, который на Западе называют „диссиденты“»²⁵ – (с явным намеком на Манифест компартии) звучат обнадеживающе. Они – не бессильны, они пока безвластны, ибо в условиях «диктатуры политической бюрократии над нивелированным обществом»²⁶ к власти диссидентов не допускают. В грядущем же «посттоталитарном обществе»²⁷, может, не будут нужны доминирующие сегодня ее формы. А уж тем более не нужна будет идеология, фальсифицирующая настоящее и будущее, ибо исчезнет ее опора – ложь²⁸. Как видно, Гавел, в отличие от Бенды, в большей мере ориентирован на моралистические ценности и в меньшей на анализ структур противостояния режиму.

²³ Ibidem, s. 102.

²⁴ Книга в переводе на русский язык опубликована в 1991 г. в Минске под названием «Сила бессильных».

²⁵ В. Гавел, *Сила бессильных*, Минск 1991, с. 11.

²⁶ Там же, с. 12.

²⁷ Там же, с. 16.

²⁸ Подробнее см.: Э. Г. Задорожнюк, *Вацлав Гавел: Драматургия президентства...*, с. 18–20.

Согласно Гавелу, характерной чертой «режима нормализации» являлось то, что власть не требовала от гражданина, чтобы он верил ее идеологии, отождествлял себя с нею или публично присягал ей. От него требовалось соблюдать определенные ритуалы, т.е. принимать участие в публичных акциях, например, демонстрациях 1 мая и др. Признавая эти требования, он побуждал и других поступать так же, помогая тем самым укреплять систему. В «режиме нормализации» человек, как полагал Гавел, был не только объектом манипулирования, но и субъектом действия. В этом, собственно, и заключалась причина стабильности режима²⁹. Если же человека принуждают «жить по лжи», то выходом из кризиса должна быть «жизнь в правде». А если этому препятствует официальная политика, то надо выражать приверженность «неполитической политике», заключает Гавел.

Конечно, такой призыв по видимости дистанцирует гражданина от политики: самосовершенствование – во многом неполитическое дело. Но политический резонанс оно может получить – и получило – немалый. Поэтому и репрессии против хартистов не прекращались. «Моральный радикализм Гавела, – пишет М. Отагал, – ставил граждан перед неразрешимой дилеммой: либо жить „в правде” и подвергаться преследованиям, либо же жить „во лжи” и сохранить тем самым соответствующее существование»³⁰.

Гавел сформулировал основные характеристики концепции «неполитической политики», предлагая только их как высшую жизненную ценность диссидентам. С точки зрения логической, это выглядело парадоксом. Но оказалось, что такой демонстративный уход от политики предстал как лучшая из наиболее действенных политик в условиях «нормализации». Режим с каким-то ожесточением набрасывался на носителей подобного рода идей, не зная даже, какие по сути обвинения им предъявлять.

Концепция «неполитической политики» Гавела предстала как единственно возможная реакция интеллектуала на «нормализацию», который не мог реально влиять на политическую ситуацию. В отличие от него Бенда допускал возможность создания «параллельных структур» – и они действительно появлялись в зачаточном виде.

²⁹ См.: В. Гавел, *Сила бессильных...*

³⁰ *Charta 77. 1977–1989...*, s. 43–44.

И все же и та, и другая концепции были восприняты всего лишь частью диссидентов, не доходя до умов рядового гражданина.

С Гавелом косвенно полемизировал М. Шимечка. Он также допускал, что реальность противоречит здравому смыслу, но сознавал, что критика режима не спровоцирует массы на ежедневные политические действия вопреки здравому смыслу, а приведет лишь к раздражению³¹. По его мнению, мотивация основной позиции гражданина скрывается более глубоко и «имеет мало общего со здравым смыслом. Она дана их сущностным включением в систему, их экономической и собственно комплексно человеческой зависимостью от тотального всемогущества государства реального социализма»³². Этим объективным условиям жизни Гавел как раз не уделял достаточного внимания.

После первых атак на Хартию 77 власти успокоились или сделали вид, что успокоились, тем более, что сам лидер хартистов призывал не к массовому неповиновению, а к личному самосовершенствованию. Это не значит, что «режим нормализации» выпускал из поля зрения Хартию и ее лидеров. Однако факты были таковы: отклики в обществе на Хартию оказались незначительными, и до ноября 1989 г. к ней присоединилось лишь около 2000 граждан. Конечно, власти преследовали подписантов, но причины игнорирования кроются и в аморфности позиций самой Хартии.

На официальных мероприятиях граждане единодушно голосовали против Хартии, в частном же порядке они выражали хартистами симпатии («наконец хоть кто-то сказал правду»), даже оказывали семьям преследуемых материальную помощь. В глазах рядовых граждан, в частности, молодых Хартия демаскировала игру между властью и большинством народа, однако она не вошла в массовое сознание своей позитивной программой.

Игра, согласно М. Кусы, заключалась в том, что граждане голосовали за резолюции, с которыми внутренне не соглашались, или принимали участие в манифестации, которые им были безразличными. Однако они не перенапрягались в труде и могли унести с работы практически все, что хотели. Так было и в других странах

³¹ M. Šimečka, *Obnovení pořadku. Příspěvek k typologii realného socialismu*, Köln 1979, с. 171.

³² Ibidem.

«социалистического содружества»), а «жить не по лжи» призывал не только В. Гавел, но и А. Солженицын.

Конечно, хартисты не ожидали, что их призывы резко поднимут у населения протестные настроения. Но отсутствие к себе интереса народных масс заставило их пересмотреть некоторые свои первоначальные установки и попытаться разобраться, почему молодежь больше интересуется рок-группой «Пластиковый народ Вселенной», а не реальным состоянием граждан собственной страны, равно как и защитой их прав и свобод.

Оказалось, общество не было готово «жить по правде», отдавая преимущество удовлетворению непосредственных, преимущественно материальных потребностей. Тем более люди не стремились, отбрасывая ложь, ставить под угрозу существование своей семьи и брать на себя риск возможного ареста, предпочитая пользоваться «благами социализма»³³. Хартия могла поэтому стать своего рода закрытым сообществом морально «чистых» людей, а диссидентство по собственной воле оказаться в гетто. П. Питгарт заметил, что его стену возводила не только полиция, но сами диссиденты: «У нас менталитет секты, секты оппозиции против сектантства власти»³⁴.

Разумеется, любое протестное движение в авторитарной системе воспринимается политически, а любое несанкционированное публичное воззвание как антипартийное. Требование реализации прав человека в условиях «режима нормализации» разжигало неприязнь правящих кругов, что и доказала кампания против Хартии. Однако выявилось, что она отражала интересы небольшой группы пострадавших интеллектуалов, а не большинства населения, что массового движения она не вызывает. Даже ее первое Воззвание адресовалось вовсе не гражданам, а органам власти и именно они призывались к диалогу³⁵.

Положение осложнялось еще и тем, что и в дальнейшем в рядах ее приверженцев, строивших планы относительно перспектив деятельности Хартии, продолжали фигурировать в несколько трансформировавшемся виде две тенденции³⁶. Сторонники первой полагали,

³³ M. Otáhal, op. cit., s. 47.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Charta 77. 1977–1989..., s. 60.

³⁶ Подробнее см.: Z. Mlynář, *Ideologische und Politische Richtungen innerhalb der Bürgerrechtsbewegung in der heutigen Tschechoslowakei. Sonderveröffentlich-*

что Хартия 77 может действовать только в определенных внутри- и внешнеполитических условиях, которые после выхода учредительного Воззвания изменились. Поэтому, не ставя задачу о свертывании ее деятельности, в сложившейся ситуации считалось желательным привести ее в некое «состояние покоя». При этом предполагалось, что отдельные идеологические течения будут продолжать свою деятельность, поддерживая связи между собой. Хартия 77, по мысли ряда участников движения, могла продолжать свою деятельность в виде своего рода общественной инициативы. Однако к серьезной реализации своих программных требований в сфере прав человека и гражданских прав ей надлежало вернуться лишь при условии создания благоприятных обстоятельств для наступательной критики режима. Неполитичность при этом трактовалась в собственном смысле данного выражения, а моральное сопротивление оказывалось самодовлеющим.

Приверженцы второй тенденции, напротив, склонялись к позиции активизма. Хартия понималась ими как форма политического движения, поэтому она должна ориентироваться на переход к действенным методам и проявляться в ежедневных оппозиционных акциях по всем направлениям. Тем самым она являла бы собой некоторый аналог политической программы и выявляла конкретные примеры нарушения гражданских прав, уделяя внимание внутренней самоорганизации и побуждая спикеров решать актуальные проблемы.

Реальная история Хартии до середины 1980-х группируется скорее вокруг мира разнородных и часто довольно абстрактных идей, чем вокруг конкретных гражданских инициатив. Конечно, вторые отслеживались «нормализаторами» достаточно быстро и эффективно, однако и внутренняя идеологическая мозаичность отнюдь не способствовала не только их осуществлению, но даже выдвижению. «Кажется, нет сомнений в том, – писал В. Пречан, – что вопреки всему Хартия обогатила чехословацкую действительность и наше познание, но после четырех лет ее существования исчезла одна иллюзия: а именно, что из нее может взойти импульс к общественному движению более широкого масштаба»³⁷.

ung des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien, Köln 1978, Oktober, s. 47–50.

³⁷ *Charta 77. 1977–1989...*, s. 116.

Однако то, что Хартия провозгласила борьбу за права человека, что она объединила идейно и политически разрозненные независимые инициативы, что она в период отсутствия политической оппозиции во всеуслышанье говорила правду, привлекло к Чехословакии широкий интерес в западном мире. Поддержка с его стороны диссидентского движения и защита многих его активистов от полицейского и судебного преследования стала куда веселее. Хартия открыла путь и для возникновения новых гражданских инициатив, в частности КЗНП, разоблачавших нарушения прав человека и гражданина в Чехословакии, отслеживавших соблюдение прав верующих граждан и др.

В целом же Хартия стала реакцией на специфические условия в Чехословакии, где в результате чисток возникла большая группа неравноправных граждан, но не появилось массовое оппозиционное движение. Здесь основой и ведущей силой диссидентства вновь становились интеллектуалы, которые в общественно-политическую жизнь вносили свои собственные представления об условиях и нуждах общества. «Неполитическая политика» хартистов казалась неубедительной по своим результатам и на фоне движения «Солидарности» в Польше – там интеллектуалы не столько задавали тон социальному протесту, сколько стремились влиться в него. И оказывалось, что такая «неполитическая политика» (потому что призыв создавать независимые профсоюзы по видимости тоже неполитичен), куда более действенна, чем диссидентский ее вариант.

После неудавшегося диалога с властями (который для ряда хартистов продолжился в тюремных камерах), после суда в ноябре 1977 г. над 4 лидерами нужно было искать новые формы активности. Хартия 77, во-первых, обратила большее внимание на внутренние проблемы (положение верующих и национальных меньшинств в Чехословакии, вопросы образования и экологии), а во-вторых, уделяла больше внимания демократической традиции в межвоенный период, призывая не манипулировать историей; в-третьих, выражала поддержку диссидентским движениям в других странах. Кроме этого она активнее вовлекалась в организацию непубличных концертов и выставок, образовательных программ и независимых гражданских инициатив. В то же время новых концептуальных прорывов, подобных идее «параллельного полиса» Бенды или «неполитической политики» Гавела, из недр Хартии не появлялось.

Надо сказать, что начало 1980-х годов – время активизации не только хартистов. К примеру, другие структуры «параллельного

общества» в Чехословакии, в частности, в сфере культуры – музыкальный андеграунд, подпольные театры и т. п. – защищались и самостоятельно. Так, в 1980 г. было запрещено проведение 15 тысячного джаз-фестиваля в Праге из-за опасений «публичных беспорядков»³⁸. Протестовавшая против этого Секция джаза³⁹ объявлялась властями «диссидентской организацией» после ее приема в Международную федерацию джаза. Наконец Секция (насчитывавшая 7 тыс. членов вместо разрешенных в 1971 г. 3 тыс.) была распущена, а джазмены начали собираться полужаконално. Их преследовали, многие музыканты выехали за рубеж, но все же провокативная лирика и ирония трудно выводились на «чистую воду». Музыканты-панки часто выступали в студенческих клубах, был составлен «черный список» из 37 рок-групп, а музыкальные издания подверглись подозрениям за аполитичность. «Ничего не имеет значения. Это может стать лозунгом молодого поколения» – так писала одна из партийных газет⁴⁰.

К началу 1980-х годов Хартия 77 продолжала существовать как свободное и неформальное сообщество людей разных убеждений, разной веры и профессий, а защита прав человека и гражданина в Чехословакии стала ее наиболее важным делом. Она продолжала разоблачать злоупотребления «режима нормализации» со ссылками на необходимость соблюдения уже имевшихся законов. Несмотря на преследования хартистов, число подписавших ее увеличивалось, а отказавшихся от подписей были единицы. К концу 1977 г. ее подписали 840 чел., к концу апреля 1978 г. – 978 чел., а в течение 1980-х годов число подписавших достигло 2000 чел.

Хартия 77 отстаивала права человека в разных сферах жизни чехословацкого общества: это были конкретные права в сфере обра-

³⁸ S. Ramet, *Social Currents in Eastern Europe. The Sources and Meaning of the Great Transformation*, Durham–London 1991, p. 107.

³⁹ Секция джаза – легально образовавшаяся еще в 1971 г. структура в рамках Союза композиторов Чехословакии поначалу казалась властям безобидной группой любителей западной музыки. Но вскоре у властей появились подозрения в связи с тем, что ее численность превысила 3 тыс. чел., что в ее бюллетенях поднимались вопросы, касавшиеся не только музыки, что ежегодные джазовые фестивали проходили с политическим подтекстом. У них крепло убеждение, полужаконално выраженное в одной из песен, популярной среди советской молодежи: «Сегодня парень любит джаз, а завтра родину продаст...».

⁴⁰ „Tribuna”, 23 III 1983.

зования, экономике и социальной сфере, религии и др. Данная установка просматривалась в аналитическом материале Хартии 77, появившемся уже в конце января 1977 г. под названием «Дискриминационные ограничения права на образование молодежи в Чехословакии» – в ответ на директиву Министерства образования ЧССР к вопросу о классификации претендентов на обучение в вузах в соответствии с политическими критериями. Материал от 8 марта «О состоянии экономических и социальных прав в Чехословакии» полностью концентрировался на социальной сфере, а материал от 22 апреля 1977 г. «О свободе вероисповедания и религиозных правах в Чехословакии» рассматривал статус церквей в стране и положение верующих.

Как подчеркивалось в справке посольства СССР в Чехословакии от 6 марта 1978 г., «Хартия 77 в трактовках западных СМИ представляла собой «продолжение „исторической тенденции соединения социализма со свободой“, но уже не путем борьбы за „изменение общества“, а путем борьбы за „выполнение Конституции и принятых международных соглашений о правах человека“»⁴¹. Из большинства комментариев западных СМИ в первой половине 1978 г., как указывалось в документе, следовало, что «„хартия-77“ (так в оригинале. – Э.З.) считается на Западе „наследником пражской (так в оригинале. – Э.З.) весны“, доказательством „живучести ее идей“ и некой определяющей моделью для „возможных изменений общественной структуры в будущем“»⁴². В годовщину создания Хартии 77 в публиковавшихся на западе материалах «хартисты по-прежнему представляются как герои („Нью Йорк таймс“ назвала их „гуситами сегодняшнего дня“»⁴³.

16 июля 1978 г. Хартия направляет благодарность организации «Культурфронт» в Стокгольме за подготовку манифестации по случаю оккупации Чехословакии, в защиту Хартии 77 и политзаключенных. В этом документе события августа 1968 г., официально трактуемые партийными и государственными органами ЧССР как «интернациональная помощь», открыто названы словом «оккупация». А уже 12 августа 1978 г. Хартия 77 выступает с Воззванием

⁴¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ), ф. 138, оп. 59, п. 175, д. 15, л. 32.

⁴² Ibidem, л. 31.

⁴³ Ibidem, л. 85.

к 10-й годовщине вооруженной интервенции в Чехословакии. Данный материал не содержал требований или положений демократизации, смены власти, ухода с высших государственных и партийных постов «нормализаторов» и др. Тем не менее в нем впервые прямо и открыто в незавуалированном виде события 1968 года назывались «вооруженной интервенцией», которая к тому же квалифицировалась как «противоправный акт». Для партийной и государственной элиты Чехословакии, стоявшей у истоков «режима нормализации», признать это – значит подписать себе приговор с неизбежным уходом и смещением с политической сцены. Этого официальная Прага, разумеется, допустить не могла и не хотела, продолжая яростное сражение за сохранение властных позиций. При этом ей приходилось сражаться с набиравшей силу и усиливавшей свое давление оппозицией не только внутри страны, но и сопротивляться постепенно усиливавшемуся нажиму относительно проведения демократических преобразований из-за рубежа.

В документе от 12 августа 1978 г. Хартия практически выступила с политическими требованиями. Она выдвинула их в момент, когда действовала «доктрина Брежнева», а до перестройки в СССР было еще очень далеко и вряд ли кто тогда в нее верил. При этом 1978 год – время не только заявлений, но и политических акций хартистов. Так, КЗНП информировал общественность о случаях незаконного преследования граждан и распределял материальную помощь семьям пострадавших. В 1979 г. аресту подверглись его 10 активистов, но Комитет оказался неистребимым политическим инструментом оппозиции. Он издал несколько совместных с Хартией 77 документов, сотрудничал с организацией Международная амнистия (Amnesty International), а в декабре 1978 г. стал членом Международной федерации по правам человека, действовавшей в Париже.

В период с 1978 г. по 1986 г. КЗНП представил более 500 коммюнике о преследованиях инакомыслящих в Чехословакии. Власти подвергли в мае 1979 г. аресту 6 его лидеров, а в октябре осудили их, но деятельность Комитета не ослабла, а лишь усилилась. К 1989 г. КЗНП имел 31 члена, 6 членов принимали участие в его деятельности за рубежом.

Уже в первый год своего существования Хартия стремилась не только приобрести известность, но и наладить связи с оппозиционными группами в других странах «социалистического содружества». С этого времени развивала свою деятельность неформальная группа

Польско-чехословацкая солидарность, получившая статус организации в 1981 году.

Документ от 12 августа и создание КЗНП явились своеобразным отчетом о первом году деятельности Хартии, а заодно – об антинормализационной деятельности за 10-летний период. Подчеркивалось, что многие действия Хартии носили плюралистический характер и в них содержался план, который мог объединить оппозицию, а в определенной мере реализовать требования как «реформистов», так и «радикалов». При этом уже через год оказалось, что такого рода план ведет с неизбежностью к конфликту с политической властью, а иллюзии о выходе из данного состояния с помощью «косметического ремонта» развеялись⁴⁴.

Конечно, в этих структурах и движениях можно обнаружить контуры и «параллельного полиса», и особенно «неполитической политики». Оценивая их, П. Когоут писал, что Хартия 77 обязана своим возникновением защите «второй культуры» и в значительной мере нацеленности на «гуманизирующую» интерпретацию системы законодательства⁴⁵. Й. Вогрызек назвал Хартию «актом самообороны», но такой, которая вызвала острую реакцию со стороны властей как раз отсутствием открытой враждебности⁴⁶. Однако стало ясно и другое: Хартия сохранит вес и влияние не столько через обоснование подобных проектов, сколько вследствие реализации конкретных инициатив.

Ежегодно Хартия 77 готовила несколько десятков документов, выражавших протестную реакцию на различные общественные проблемы, способствовала выходу многих публикаций в самиздате (включая 280 документов по актуальным проблемам современности). К 1978 г. относится начало выхода в Праге в самиздате периодического сборника «Historická studie» («Исторические исследования»). В Словакии получил широкое развитие религиозный самиздат⁴⁷.

Однако радикальных изменений в программе и направлении деятельности Хартии не наблюдалось, а «режиму нормализации» уда-

⁴⁴ *Charta 77 očima současníků...*, s. 45.

⁴⁵ *Charta 77. 1977–1989...*, s. 45.

⁴⁶ *Ibidem*, s. 64.

⁴⁷ Подробнее см.: R. Lesňák, *Listy z podzemia. Kresťanské samizdaty 1945–1989*, Bratislava 1998; N. Kmeť, *Slovenská opozícia za normalizácie*, w: *Česká a slovenská spoločnosť v období normalizácie*, Liberec 2001, s. 194–196.

валось держать протестное движение в изоляции вплоть до 1985 г. – начала перестройки в СССР. Этот внешний побудитель оказался весьма мощным для всех. И если до 1985 г. компромиссное объединение носителей разных разнородных инициатив в рамках Хартии 77 позволило оппозиции выжить в условиях «нормализации», то после него диссидентство начало выходить на новые пути активности⁴⁸.

В Заявлении от 1 февраля 1980 г. Хартия 77 в очередной раз подтвердила свой отказ от ориентации на деятельность в «сфере политической, которая выходит за рамки существования Хартии», но одновременно впервые открыто прокламировала солидарность с теми гражданами, которые «легально находятся в поиске политического выхода чехословацкого общества из нынешнего положения»⁴⁹. Неполитичность Хартии 77, переносившей решение политических вопросов в нравственную сферу, заключалась в том, что она «отказывается быть „технически политической“; она не указывает иного пути к выполнению своей миссии кроме морального обращения к гражданской ответственности, человеческой солидарности; она апеллирует к правительству, чтобы оно соблюдало свои собственные законы, предлагает ей диалог; ведет многолетнюю „педагогическую“ работу (Паточка)»⁵⁰.

Это противоречие между политичностью и неполитичностью Хартии, попытка решить политическую проблему неполитическими методами явилось одним из обстоятельств, «лимитировавшим шансы

⁴⁸ Подробнее см.: Э. Г. Задорожнюк, *Вацлав Гавел: Драматургия президентства*, Кентавр. М., 1995, № 5; В. А. Колесников, *Трансформация политической и конституционно-правовой системы Чехо-Словакии (80-е–начало 90-х годов)*, Воронеж 2001; Э. Г. Задорожнюк, *Чешская Республика*, в: *Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI вв. (Общественно-политические аспекты развития): Справочное издание*, Новосибирск 2003; Она же, *Словацкая Республика*, в: там же; Она же, *Политический портрет президента-драматурга Вацлава Гавела*, в: *Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе*, М. 2003; Она же, *Конфронтация «режима нормализации» и оппозиции в Чехословакии в конце 1980-х годов XX века*, „Środkowoeuropejskie Studia Polityczne“, Poznań 2004, № 1; Она же, *От мрака «нормализации» к миру демократизации: к вопросу о «бархатном» разводе чехов и словаков*, „Środkowoeuropejskie Studia Polityczne“, Poznań 2005, № 2; *Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории*, т. 2, М. 2005, с. 233–262.

⁴⁹ *Charta 77. 1977–1989...*, s. 115.

⁵⁰ *Ibidem*, s. 112.

Хартии стать ведущим фактором в общественном движении более крупного масштаба»⁵¹.

Ставившая одной из своих целей диалог с правящим режимом, Хартия в первой половине 1980-х годов в своем Открытом письме вынуждена была признать: за период с января 1977 г. по сентябрь 1982 г. «со стороны властей не пришел ни один официальный ответ на письма и документы, которые Хартия адресовала и адресует тем или иным представителям властных структур». Вместе с тем в письме подтверждалось кредо гражданской инициативы: Хартия ведет диалог не с анонимным аппаратом власти, хотя адресатом многочисленных документов являются соответствующие официальные органы, а с каждым гражданином Чехословакии, иными словами, она не ведет диалог лишь «с властью», а в первую очередь «с совестью каждого нашего гражданина»⁵².

Деятельность Хартии послужила значительным стимулятором активности деятелей независимой науки и культуры в ЧССР⁵³. Стало появляться все большее число публикаций в самиздате, получавших их одобрение. Молодежь начала интересоваться зарубежными философскими и литературными течениями, предпочитать «неофициальное» («параллельное») искусство и т.д.

Следует отметить, что в это время в ЧССР разрабатывались официальные проекты реформирования чехословацкой экономики, которые зиждились на незыблемой основе – социалистической ответственности. Что касается представителей чехословацкого антинормализационного движения, то оно однозначно оценивало экономическое положение в стране как состояние глубокого и всестороннего кризиса.

Именно после начала советской перестройки Хартия 77 стала смелее выступать с альтернативными проектами реформирования разных сфер жизни чехословацкого общества, включая народнохозяйственную сферу. Так, 14 ноября 1985 г. Хартия 77 предложила свой альтернативный проект «О необходимости экономической реформы», в котором обращает на себя внимание, с одной стороны, лексика советской перестройки, а с другой – признаки отхода от

⁵¹ Ibidem.

⁵² Ibidem, s. 118.

⁵³ Подробнее см.: H. G. Skilling, *Samizdat and Independent Society in Central and Eastern Europe*, Columbus 1989.

социалистической экономики, поскольку в документе фигурируют такие термины, как «рыночные отношения» и «индивидуальное и мелкое предпринимательство». В документе наряду с признанием «некоторых позитивных результатов» в чехословацкой экономике указывалось на ее «хронические недуги и кризисные явления», а также на «неспособность нынешней административно-директивной централизованной распределительной системы реагировать на настоятельные требования эффективности, технического и экологического развития». «Нельзя закрывать глаза, – подчеркивалось в нем, – перед существенными причинами продолжающейся экономической стагнации и углубляющегося отставания нашей экономики от развитых стран, иными словами – перед необходимостью фундаментальных структурных изменений и коренных экономических реформ... В системе экономического управления так наз. реального социализма преобладает чрезмерная централизация принятия решений и директивность приказов, связанная с прямым административным контролем за их выполнением».

Отмечалось, что экономическая реформа, проводившаяся в Чехословакии во второй половине 1960-х годов, «совершенно очевидно оздоровила отношения в нашей экономике и заложила некоторые значительные тенденции для ее долгосрочного процветания. Масштабные преобразования, в которых участвовали экономисты предприятий, центральные органы и теоретические центры, были политически осуждены так наз. нормализацией и управление нашей экономикой в семидесятые годы вернулось к устаревшим директивным и административным методам»⁵⁴.

По мнению хартистов, переход от централизованной к децентрализованной системе управления не являлся исключительно экономическим делом, имея значительные политические и общественные аспекты. Хартия 77 уделяла крайне недостаточное внимание урегулированию отношений между чехами и словаками как государствообразующими нациями на демократических основаниях⁵⁵.

И все же к середине 1980-х гг. было ясно, что сила хартистов – в их декларируемой аполитичности, а о том, что она именно деклари-

⁵⁴ *Charta 77. 1977–1989...*, s. 282.

⁵⁵ Подробнее см.: Э. Г. Задорожнюк, *Чешско-словацкие отношения: от «режима нормализации» 1969 года к «бархатной» революции 1989 года*, „Новая и новейшая история” 2005, № 6, с. 22–23.

руема, догадывались все. Целый год на страницах многочисленных изданий, в передачах западных СМИ, в дискуссиях в «халупах» (т.е. на дачах), подчеркивалось, что протестное движение в стране набирает новое дыхание. «Хартия, – убежденно писал В. Гавел в марте 1986 г., – не является ни левой, ни правой не потому, что находится „где-то в центре”, а по более глубоким причинам: она не относится к тому или иному полюсу политического спектра, поскольку не имеет с этим спектром ничего общего и по самой своей сути находится вне него. Как не определившаяся политически и разрабатывающая конкретную политическую программу гражданская инициатива находится – если можно так выразиться – где-то „над” всем этим, или говоря более скромно: вне всего этого»⁵⁶.

Он же подчеркивал, что появление Хартии диктовалось вовсе не желанием противопоставить одной политической или идеологической программе другую; она не хотела становиться политической силой, конкурирующей с той, которая правит; она не выступала в качестве лучшей альтернативы тем, кто находился у власти. В поле битвы превращались другие сферы жизни: борьба за права человека и создание «параллельной культуры» и здесь противостоявшие партийные силы никакими преимуществами не обладали.

Развивая мысль Гавела, Л. Гейданек в конце апреля 1986 г. утверждал, что масштаб деятельности и требований Хартии 77 изначально трактовался и формулировался как в значительной степени ограниченный. «Хартия, – писал он, – не рассматривала и не рассматривает саму себя как организацию (у нее нет никакого устава или организационной структуры, нет у нее и членства) и не хочет быть базой оппозиционной политической активности». Более того, она «даже не помышляет выдвигать какие-либо собственные программы политических или общественных реформ или преобразований, но заявляет лишь о своей готовности вести с политическими и государственными представителями и с органами конструктивный диалог»⁵⁷.

В сентябре 1986 г. М. Поволны в статье «Хартия 77 и чехословацкая оппозиция» подтвердил именно этот заложенный в Хартии смысловой каркас: она не является политической оппозицией,

⁵⁶ *Charta 77. 1977–1989...*, s. 129.

⁵⁷ *Ibidem*, s. 131.

если принять определение оппозиции в более узком, традиционном смысле слова, как его использует классическая демократия. «Миссия такого рода оппозиции – не входить во власть, поскольку существующие условия исключают подобного рода альтернативу, а критиковать, предостерегать и воспитывать, иными словами, формировать альтернативную политическую культуру в противовес политической культуре правящих»⁵⁸.

С точки зрения режима, деятельность Хартии, по мнению автора, являлась политической и оппозиционной. Хотя, как он утверждал, этот вопрос в Хартии не дискутировался, известно, что некоторые хартисты выражали более критический настрой не только по отношению к фактам нарушения законов, но и к их конкретной формулировке. Об этом, в частности, постоянно говорили П. Ул и Я. Тесарж, в то время как тот же Гейданек, считал, что вопрос об оппозиционности «Хартия 77 может легко обойти, если четко заявит о том, что она не хочет быть оппозицией»⁵⁹.

Что касается Бенды, то он склонялся к мысли, в соответствии с которой Хартия не должна становиться оппозицией, политической партией или религиозным движением, зато она может быть инициатором любого независимого движения и должна предоставлять ему защиту от своеволия власти. Сохраняя свой моральный авторитет, она способствует возникновению параллельных и альтернативных структур, с которыми не обязательно должна себя идентифицировать⁶⁰.

Таким образом, хартистское движение «взошло на политический подиум в период значительного идеологического смирения, политической апатии и нравственного нигилизма народа»⁶¹, изменив представление о «полной ночи нормализации». Как показывает полемика середины 1980-х гг., Хартия 77 сыграла важную роль в проведении подготовительной работы для будущих политических преобразований. Все же, как пророчески утверждал В. Пречан, «импульс к переменам придет откуда то из другого места, а не из движения за права человека и гражданские права; то есть они не станут результатом

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Ibidem, s. 149.

⁶⁰ *Charta 77: Dokumenty 1977–1989...*, d. 3, s. 302.

⁶¹ *Charta 77. 1977–1989...*, s. 58.

непосредственного влияния и деятельности Хартии, КЗНП, независимой литературы разного рода»⁶².

Десятилетний опыт деятельности в достаточной мере подтвердил данный прогноз. И уже вторая половина 1980-х годов стала временем, когда осознание неотвратимости перемен ширилось среди всего общества. Новые формы антирежимного движения свидетельствовали: «нормализация» превращается скорее в благое пожелание, чем в достижимую цель.

Лидерство в Хартии 77 по-прежнему оставалось за диссидентами и в первую очередь В. Гавелом, П. Питгартом, Л. Лисом и др. Но переходило и к экс-коммунистам (И. Гаск, З. Йичински, Р. Слански и др.), независимым социалистам (Р. Баттек и др.), революционным социалистам (П. Ул и др.) и даже христианским деятелям (католики П. Малы, В. Бенда, философ-евангелист Л. Гейданек); два последних были спикерами дважды.

Надо подчеркнуть особо: разность их позиций и оценок часто влияла на выбор стратегии Хартии. В Хартии представлены интересы многих групп, что приводило к кризисам единства и не позволяло ей стать основой для развертывания широкой антинормализационной деятельности. Правда, больше этому «помогли» репрессии 1980-х годов.

Какие же формы принимала эта деятельность хартистов? Она не носила столь массового характера, как в Польше, не была и принципиально альтернативной в рамках устоявшихся партий, как в Венгрии, но тем не менее давала немалый эффект. Уничтожив одну инициативу хартистов, власти неизбежно встречались с новыми для себя угрозами – казавшимися несущественными, а потому и трудно уловимыми. В сфере права – это организация правозащитных инициатив и требование соблюдения принципов Хельсинского процесса (третья корзина), признанного – по форме – властями социалистической Чехословакии.

В сфере культуры организовывались полуподпольные выставки, спектакли, концерты рок-музыки и т.д. Формировались «параллельные» образовательные структуры и научная жизнь – при этом вспоминались образцы становления чешского национального движения в XIX веке. Создалась мощная «параллельная» информационная

⁶² Ibidem, s. 116–117.

система – самиздат – занимавшаяся подготовкой и распространением материалов Хартии. Функционировали десятки периодических изданий по самым различным отраслям знания, включая журналы по «параллельной» социологии и философии, политические газеты, экологические бюллетени и др. Так, с 1972 г. по инициативе Л. Вацулика издательством «Edice Petlice» публиковались самиздатовские материалы (250 названий до закрытия в 1983 г.), издательством «Kvart» по инициативе Я. Владислава – книги (120). В эти годы активно работало издательство «Edice Expedice», созданное В. Гавелом, а также различные религиозные издательства. По свидетельству И. Пеликана, общее число названий, нелегально выпущенных в 1985 г. в самиздате, превышало число легальных. Шла речь даже о создании «параллельной» экономики.

Ставился мощный акцент на международную солидарность, начиная с поддержки отдельных лиц и заканчивая поиском перспективных форм культурного и научного сотрудничества, обеспечивающего относительную экономическую независимость Хартии от официальных структур (гонорары за художественные произведения и специальные публикации, стипендии, гранты и др. обеспечивали хартистов материально).

В начале статьи говорилось о **четырёх этапах развития** оппозиционного движения. **Пятый этап** противостояния «режиму нормализации» (1985–1989 гг.) характеризовался появлением новых структурных его элементов. Поэтому, если две трети из 12-летнего срока активности Хартии 77 приходилось на период, когда политике «режима нормализации» не виделось никакой альтернативы, то лозунги советской перестройки изменили ситуацию коренным образом.

В ряды оппозиционеров снова вернулась часть коммунистов, включая тех, кто еще в 1968 г. занимал высокие посты. Собственно диссиденты взяли на себя миссию представительства всего спектра движения, хотя факты показывают, что они были лишь одной из составных его частей, а по ряду вопросов занимали далеко не ведущие позиции. В этот период появляются новые независимые гражданские структуры (Демократическая инициатива, Движение за гражданскую свободу, Клуб за социалистическую перестройку – «Возрождение» и др.), будучи готовыми к переменам в духе перестройки и поднимая вопрос о демонтаже «режима нормализации», они от политических рычагов уже не отказывались. В целом чехословацкая оппозиция выходила на новые рубежи своего развития, вызвав необходимость конструктивного к себе отношения.

В целом Хартия-77, а также выросшие из него и наряду с ним движения не ставили напрямую задачу свержения социалистического нормализационного режима во имя другого социализма с человеческим лицом. Их задача была принципиально иной – трансформация общества с опорой на соблюдение прав и свобод человека, соблюдение легальных процедур и так далее. Это внешнее признание социалистического строя в ходе поиска внутренних источников его преобразования, а в конечном счете и принципиального изменения как раз является особенностью деятельности Хартии 77. В чем-то она воспроизвела установку на плюралистически ориентированный общественный процесс – как это было в межвоенной Чехословакии, но в весьма специфической форме «неполитической политики»; это относительно новое слово и соответствующий ему план действий повлияли и на оппозиционное движение во всем регионе.

* * *

Один из итогов активности Хартии до середины 1980-х гг. – создание в стране протоструктур «параллельного общества». Конечно, и в других странах «социалистического содружества» возникали его различные модели и формы. В первую очередь это касается Польши, где такое общество позиционировало себя как политизированные структуры и в дальнейшем способствовало формированию контрэлиты. В Венгрии оно создавалось под мощным воздействием инициатив реформистски настроенной части правящей партии.

Что касается Чехословакии, то здесь «параллельному обществу» приходилось выживать под жестким прессингом нормализационных структур и уходить от политизации, которую можно было трактовать в тех условиях как самоубийственную. Тем не менее структуры «параллельного общества» и проводимая ими «неполитическая политика» оказалась важной системой идей и организационных инициатив, способных обеспечить трансформацию общества из стагнировавшей нормализационной стадии и содействовать появлению в будущем структур общедемократических.

Streszczenie

Jednym z wyników działalności Karty 77 do połowy lat 80. było utworzenie w kraju protostruktur „równoległego społeczeństwa”. Oczywiście, również w innych krajach „wspólnoty socjalistycznej” powstawały jego rozmaite modele i formy. Przede wszystkim dotyczy to Polski, gdzie społeczeństwo takie kreowało upolitycznioną strukturę, która następnie sprzyjała tworzeniu kontrelity. Na Węgrzech formowało się ono pod mocnym wpływem inicjatyw reformistycznie nastawionej frakcji partii rządzącej.

Natomiast w Czechosłowacji, „równoległe społeczeństwo” działało pod silnym naciskiem struktur państwowych. Zmuszone była ono do dystansowania się od kwestii politycznych. Tym niemniej, struktury „równoległego społeczeństwa” oraz prowadzona przez nie „niepolityczna polityka” okazała się ważnym systemem ideowym oraz inicjatywą organizacyjną. Była ona zdolna do zapewnienia transformacji społeczeństwa pozostającego w stagnacji ostatnich lat polityki normalizacji. Sprzyjała również pojawieniu się w przyszłości struktur demokratycznych.

Summary

One of the consequences of Charter 77 by the mid-1980s was the emergence of protostructures of a ‘parallel society’. Diverse models and forms of a parallel society also came into existence in other countries of the ‘socialist community’. This mainly refers to Poland, where this society created a politicized structure, which later promoted the emergence of the counterelite. In Hungary, the parallel society was formed under the strong influence of the pro-reform faction of the ruling party.

In Czechoslovakia the ‘parallel society’ operated under the strong influence of state structures. It was forced to distance itself from political issues. Nevertheless, the structures of the ‘parallel society’ and its ‘nonpolitical policy’ turned out to provide a significant system of ideas and an organizational initiative. It was capable of transforming the society which was stagnant in the final years of the policy of normalization. It also promoted the future emergence of democratic structures.

